

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РЫНОЧНАЯ АГРЕССИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Термин «конвергенция» в названии сегодняшнего семинара требует пояснения. Под конвергенцией образования и экономики понимается не только их *взаимодействие, взаимовлияние, взаимообуславливание, но и схождение, совмещение, взаимопроникновение.*

Необходимой предпосылкой социального здоровья общества является системный баланс различных сфер духовной деятельности человека и социальных институтов. Их взаимосвязь ни кто не оспаривает, напротив, она изучается. Проблема в другом: не нарушается ли этот системный баланс сегодня агрессивной экспансией экономики в образование?

Широко распространенное сегодня понятие **риска** определяется как *необходимость выбора в условиях неопределенности в ситуации непредсказуемости возможных результатов.* Говоря в терминах социальной и педагогической рискологии: **существуют ли в современных условиях конвергенции образования и экономики риски для самих образования и экономики?** И поскольку мы с вами представляем на этом семинаре все же образование, то нас будет интересовать влияние конвергенции именно на образование.

Для начала ответим на вопрос: является ли тесная связь образования и экономики беспрецедентной в отечественной истории? Нет, не является. В СССР школьное *общее политехническое* образование было тесно связано с экономикой, а структура системы образования соответствовала экономическим потребностям страны. И это была государственная политика.

Очевидно, что экономика выигрывала от такой тесной связи. Судя по тому, что к концу советского периода ЮНЕСКО оценивает наше образование 3-м рейтингом, образование также выигрывало. Прежде всего, потому, что главной политической задачей была индустриализация, и локомотивом экономики было производство товаров группы «А», а позже - ВПК и

наукоемкие производства. Под эти потребности создавалась и советская политехническая трудовая школа и ее единый учебный план, отражающий все основные направления науки и достижения культуры.

Можно ли считать это тесное взаимодействие конвергенцией? Думается, нет. Экономические категории оставались в экономике и не переносились на образование (как сегодня «образовательные услуги», «конкурентоспособность»), а образовательные категории не переносились на экономику (как сегодня «экономика знаний»). Налицо был как раз тот самый системный баланс между образованием и экономикой. Командно-административная плановая экономика и единая трудовая политехническая советская школа соответствовали друг другу.

В 90-е идеология рынка полностью завладела отечественными экономическими и политическими умами. В реальности все было, конечно, не так; рынка не было, экономика была олигархической. Но абстракция «свободного рынка» завораживала. Игнорировалась даже сама история и опыт Запада, которые показали, что рынок на Западе после эпохи первоначального накопления капитала развивается в конечном итоге не к все большей свободе, а к все большей несвободе, то есть становится вполне регулируемым. Окончательно регулируемым он становится после великой депрессии и новой политики Рузвельта и вступлением, чуть позже, Запада в эпоху кейнсианства. Только планирование это осуществлялось не единственно правильной партией в рамках командно-административной системы, а тоньше и профессиональнее крупным капиталом и ТНК. Политическая элита в этой схеме была и остается лишь исполнителем этих планов. Позже это регулирование стало осуществляться в рамках парадигмы «социального государства», на смену которой после ликвидации СССР пришла неолиберальная парадигма, в рамках которой все идеи рынка, демократии и свободы были вообще порушены.

А что же отечественное образование в 90-е годы? В силу своего природного здорового консерватизма образование в те годы отставало от политической конъюнктуры и экономики. Государство, распродав все средства

производства в частные руки, из образования уходить не хотело, чем образование спасло. Все девяностые мы были свидетелями, а кое-кто и участниками бурных дискуссий о путях отечественного образования. Но во всех дискуссиях само государство декларировало себя в качестве главного заказчика образования.

Об этом свидетельствует Закон об образовании 1992 года, носящий абсолютно политический характер. Никакой связи образования с экономикой в 90-е не было и не могло быть, разумеется. В силу катастрофического разрушения последней. Но образование выжило, благодаря государству и старому советскому учительству, этому школьному пролетариату. Вечная ему память, ибо уже уничтожен как класс. Такое положение не могло не сказаться на образовании, и та же ЮНЕСКО в 2001 году отводит нашему образованию уже не 3-е, а 19-е место.

После провальных в экономическом отношении 90-х, с началом нового тысячелетия экономика страны стала понемногу оживать. Очнувшись от рыночного дурмана, наше государство постепенно возвращается в экономику в качестве крупнейшего экономического игрока. Сегодняшняя отечественная экономика – это уже не олигархия, но и, по-прежнему, не рынок, а олигополия. При олигополии экономикой в ручном режиме управляет несколько монополистов, в числе которых государство как крупнейший игрок на этом не свободном рынке.

Как же изменилась государственная образовательная политика в условиях олигополии? Она опять отстает! Но уже не во спасение образования, а во вред ему. В образовании в 10-е годы происходило то, что происходило в экономике в 90-е. Во-первых, в 10-е годы везде декларируется связь образования с экономикой. Однако – с какой экономикой? С рыночной! Это при отсутствии рынка в условиях олигополии! А во-вторых, в образование и, как следствие, в саму педагогику (!) внедряются рыночные термины и принципы. Подчеркнем – не просто экономические, что само по себе, может быть и не плохо, а именно рыночные. То есть не термины производства, а термины обмена и

потребления. Чем плох, например, термин «духовное производство»? Нет, пишут о духовном потреблении и обмене. Результатом является внедрение в самую педагогику принципов педоцентризма и прагматизма, которые являются такими же вирусами в педагогике, как в экономике рыночная идеология.

И. В. Аржанова в статье «Конкурентоспособность отечественного высшего образования как приоритет его развития» пишет о высшем образовании и оценке его конкурентоспособности: «Та сущность, которой было отдано предпочтение потребителя, и является конкурентоспособной» [1.С.50]. И это, по ее мнению, должно быть приоритетом. Вместе с тем, она же пишет, что «рассматривать российскую систему образования в качестве ценного ресурса дальнейшего развития» и даже «рычагом социально-экономического развития страны» позволяет нам «память былых достижений, подкрепленная поистине значимыми традициями» [1.С.49]. Былых достижений каких? Советских, конечно, когда мы и не думали о конкурентоспособности образования как о его способности удовлетворять потребности потребителей.

И.Э. Кондакова [2] проанализировала все государственные документы, касающиеся образования. Она приходит к выводу, что во всех этих документах почти полностью отсутствует понятие «образовательная политика», поскольку «на данный момент отсутствует единая методологическая рамка рассмотрения образовательной политики». То есть ее, образовательной политики, у государства нет. Но ведь это – ситуация 90-х в экономике, когда государство, повторяя, как мантру, «рынок, рынок» ушло и из экономики, и из политики.

Возьмем для примера программную статью тогда еще зам. министра *И.И. Калины* «Образование как благо для человека и общества» [3]. Ведь в этой статье зам. министра обосновывает мысль, что образовательной политики у государства российского не только нет, но и **быть не должно!** Что это нынче не современно и устарело – какая-то там образовательная политика. Не верите? Вот что он пишет: «Четкое фиксирование, будь то результатом воспитания,

образования, будь то результатом становления личности, *свойственно традиционной парадигме образования*, в рамках которой процесс обучения, представляя собой легко просматриваемый, контролируемый порядок, имеет четко заявленные стадии или этапы» [3.С.91]. Устарело четкое понимание педагогического процесса, и понимать его не надо. Читаем далее: «В настоящее время, когда речь идет о формировании знаний, умений, компетенций и компетентностей школьника, будущего учителя, речь идет *не о придании знаниям, умениям законченности, что свойственно традиционной парадигме образования*, но о **формировании** как **оформлении достигнутого** в определенный период обучения, воспитания школьников, студентов уровня личностного развития, уровня знаний, умений, опыта деятельности и системы норм отношений к миру, к людям и к самому себе» [3.С.91]. Я писал в своей докторской, что министерство занимается формой и совсем не думает о содержании. Теперь в устах министра прозвучало, что это так и надо, что «оформить» личные достижения гораздо важнее, чем освоить систему «законченных» знаний. Почему зам. министра знания кажутся «законченными» - поди разберись. Видимо он путает знания с догмами. Ну, вероятно, его знания именно таковы. Дальше – больше: «Образование впервые рассматривается не как **абстрактный процесс**, а как **услуга, адресованная конкретному потребителю**. От того, насколько качественной будет эта услуга, зависит судьба страны в целом и отдельных учебных заведений в частности» [3.С.91]. Ну, во-первых, не впервые. США шли этим путем, то есть путем прагматизма, начиная с Дьюи. Чем закончилось – мы знаем (См., например, [4]). А во-вторых, почему советское образование, будучи «абстрактным процессом», оказалось одним из лучших, совершенно не понятно. Видимо потому, что было ориентировано на такие «абстракции», которые ближе всего к конкретному. В то время, как «конкретный потребитель», о котором говорит зам. министра, есть как раз пустая абстракция. О рыночно-потребительской агрессии в образовании свидетельствуют и следующие слова: «Образование как услуга ориентирует человека в его жизнедеятельности **не на натуральные блага**,

которые важны и необходимы, но на безусловные блага, связанные с его **душевым комфортом**: признание, уважение, доброе имя, счастье, удовольствие, успех в жизни и т. д.» [З.С.91]. Честно говоря, принято считать, что образование «по Гамбургскому счету» – это трудный путь познания мира, профессии и себя! А это, оказывается, по словам зам. министра, душевный комфорт! Экстаз всеобщего слияния в педагогическом процессе. Ну и наконец, финал: «В современных условиях, когда стал возможен переход от **социально-утилитаристского образования к гуманистически ориентированному образованию**, на первый план выходит формирование у учащихся **образа культурного человека, образа изменяющегося мира, образа мыслей, действий, образа гражданина своей страны, толерантно относящегося к субъектам иной культуры**. Это дает учащемуся возможность осознавать личностное «Я» в изменяющемся мире, свою уникальность, непохожесть, неповторимость, идентифицировать себя как субъекта конкретного этноса с гражданским обществом, совершать сознательный выбор тех целей жизнедеятельности, которые соответствуют не только собственным желаниям, интересам и намерениям, но и намерениям людей, среди которых он живет» [З.С.93]. Попробуем представить себе такой образовательный процесс. Мы какими-то чудесными педагогическими технологиями сформировали у ученика «образ культурного человека». Наверное, мы это делаем, рассказывая ученику о культурных людях прошлого, показывая ему картинки, портреты. А он, что важно, внимательно слушает. Допустим, в какой-то части его «я» этот образ все же помещается. В другой части его «я» помещаются поочередно: «образ меняющегося мира» (это вообще мне не понятно), «образ мыслей», «образ действий», «образ гражданина своей страны». Может быть, они помещаются в одной части его «я», не знаю. А затем он, ученик, будучи просто семи пядей во лбу, «идентифицирует себя» и «совершает сознательный выбор целей жизнедеятельности», соотнося их с целями других людей. Автор далее поясняет свои слова, но его пояснение только еще более высвечивает его непродуктивную позицию: ««Образ культурного человека» — это слишком

широкое, но вполне определенное понятие, которое выработала наука [Какая наука?]. Благодаря широте содержания понятия «образ культурного человека», границы культуры как опыта деятельности, существующие в настоящее время, раздвигаются. **Развитие человека, которое происходит в процессе его образования, не может быть predetermined, не может быть очерчено никакими границами» [З.С.94].** Вот вам и окончательное «обоснование» ненужности образовательной политики.

Как отсутствие государственной образовательной политики в 10-е годы отразилось на образовании, видно из мониторинга образования той же ЮНЕСКО: эта международная организация дает такую динамику нашему образованию: 3-е место в конце советского периода, 19-е место в 2001 году, 35-е место в 2012 году (в 2013 – 36-е). Вряд ли мы совершили скачек за последние два года. Даже если мы подвергнем критике систему подсчета рейтинга, все равно диагноз от этого не изменится, не смотря на впечатляющие победы школьников и студентов на международных олимпиадах: *качество нашего образования в целом катастрофически снижается.* Понижение уровня ЕГЭ по ведущим предметам; катастрофическая нехватка рабочих после уничтожения ПТУ; мониторинг вузов, по результатам которого вузы закрываются и сливаются – это лишь малая часть симптомов.

Ситуация в образовании не улучшается не потому, что экономика внедрилась в образование и разрушает его, а потому, что, во-первых, никакой связи образования с экономикой у нас нет, она только декларируется. А во-вторых, даже на уровне деклараций заявляется связь не столько с экономикой в целом, сколько с рынком как ее частью. Внедрение рыночных терминов в образование можно расценить как культурную диверсию, направленную на разрушение образования как такового. Подготовлена эта культурная диверсия была предыдущим этапом повального увлечения рыночной идеологией. И отечественное образование, будучи подчинено рыночным идеологам, не уловило нового исторического вызова.

Я для себя ни как не мог понять, почему слово «услуга» мне не нравится. Ну не нравится и все! Не потому же, что оно родственно слову «слуга». Ведь не отторгаю же я словосочетание «слуга Отечества», например, или «ваш покорный слуга». И вот в статье «О содержании понятий качество и услуга» [5], читаю, что качество – это объективная оценка предмета, а услуга оценивается субъективно. Притом, в этой оценке участвует уже не только клиент, но и исполнитель услуги. Грубо говоря, если клиент и исполнитель *довольны процессом* оказания услуги, то все в порядке. Образовательная услуга, таким образом, это не качественное и современное образование, а *состояние удовольствия от самого образовательного процесса* как объекта, ученика, так и субъекта, то есть преподавателя. Педагогический процесс выглядит как этакий взаимный экстаз учителя и ученика. Видимо, предполагается, что чем больше удовольствие, тем выше плата. Преподавателю, таким образом, не надо мучиться – что бы еще полезного дать студенту, как бы еще лучше перекомпановать лекцию, что еще нового появилось в его области знаний. Достаточно того, что студент доволен. Вспоминается известный персонаж из «Республики ШКИД», с которым на уроке ученики пели песни. Все были довольны – услуга оказана.

Ну и как положено в рынке преимущество тут имеют крупные игроки, крупные вузы, имеющие достаточный стартовый капитал в виде не только материальных ценностей, но и методологической и методической базы, кадрового и административного ресурса, да и политического ресурса. Мы с вами выживаем благодаря такой крыше, и слава богу, что выживаем. Но ведь вопрос не о нас с вами, а об образовании в целом. В целом же происходит «рыночная» зачистка. В экономическом плане все более ужесточается (если не сказать уничтожается) экономическими мерами и государственное образование (оптимизация, подушевое финансирование школ, неэффективные вузы и филиалы) и не сформировавшееся еще корпоративное, частное; воспитание и обучение объявляются «образовательной услугой»; заказчиком образования объявляется мифическое «гражданское общество», «человек»;

цели образования размыты и не определены и обозначаются как «удовлетворение потребностей заказчика». При этом ни кто этих потребностей у заказчика не спрашивает, они декларируются даже без научной предварительной обработки, исходя из идеологических установок рыночного фундаментализма. Так было, например, с ЕГЭ.

Ну, и, наконец, современность, которая не очень радует. Сегодня государство возвращается в образование, но как-то нехотя, скромно. Это и мониторинг эффективности, и контроль качества, и образовательные стандарты, и финансирование федеральных вузов (ибо без них вообще нет вузовской фундаментальной науки).

В Законе об образовании, вступившем в силу с началом 2013 года, представлен новый тренд, совсем не рыночный, не либеральный, а социоцентристский, социетарный, государственный. Воспитание, сказано в Законе – *«специально организуемая в системе образования деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных и духовно-нравственных ценностей, принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества, государства» [б.ст.2]*. В той же статье образование обозначено как *«общественно значимое благо»*, а не индивидуальное благо, что правильно. Однако цели образования в Законе по-прежнему не определены.

Нам представляется, что тактической целью может стать как раз восстановление взаимосвязи производства и образования, поскольку перед страной сегодня стоит задача реиндустриализации и избавления от ресурсной зависимости. Это – восстановление разрушенной системы среднего специального образования и ПТУ. А поскольку сегодня локомотивом экономики является наукоемкое производство, то есть как раз то, что, собственно, и является «экономикой знаний» (вопреки утверждению, что «экономика знаний» - это рынок знаний»), стратегическая цель образования – восстановление связи образования с таким наукоемким производством.

Производством – но не рынком! Конечно, с этим сегодня может справиться только государство, имеющее четкую образовательную политику.

Литература

1. Аржанова И.В. Конкурентоспособность отечественного высшего образования как приоритет его развития // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. №151. СПб.: Изд. РГПУ им.А.И.Герцена, 2012. С.48-58.
2. Кондакова И.Э. Образовательная политика: содержание понятия // Известия РГПУ им.А.И.Герцена. №128. СПб.: Изд. РГПУ им.А.И.Герцена, 2010. С.116-124.
3. Калина И.И. Образование как благо для человека и общества // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. Научный журнал. №136. СПб.,2010. С.87-97.
4. Фомин А.П. Прагматизм: чужое прошлое как наше будущее // Гуманитарные практики в современном социуме: модернизация и глобализация. Сборник научных трудов. СПб.,2011. С.327-336. <http://fortuna2005.ucoz.ru/publ/#>
5. Кисин В.А., Фомин А.А. О содержании понятий «качество» и «услуга» // Менеджмент XXI века: управление экономикой знаний. Сборник науч. статей. СПб.,2014. С.37-40.
6. Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>

1,2 п.л.

Напечатано в: Социум. Сознание. Язык. Выпуск пятый. СПб.: ЛЕМА, 2016. - 96с. Стр. 44-50.